- Василий Павлович, где в последнее время вы чаще бываете: в Москве, в Вашингтоне или путеществуете по

миру?

— Вообще-то я все-таки больше сижу и пишу в пригороде Вашингтона. Во-первых, там моя постоянная работа в университете, где я веду собственный курс в течение осеннего и весеннего семестров. А разъезжаю исключительно во время каникулярного периода. Слава Богу, это время немалое - пять с половиной месяцев в году: месяц зимой, есть перерывы в учебе осенью и весной и три с половиной месяца - летом.

- И что вы преподае-

те? - Один курс культурологической направленности, связанный с общим течением модернизма в России начала века и с дальнейшим переходом на авангард. И, как я успел заметить, ко мне записывается много студентов, впрямую не имеющих отношения ни к России, ни к русской литературе. Вообще приходят люди самых разных профессий: и компьютерщики-электронщики, и биологи, и экономисты. А второй курс, "Два столетия русского романа", - именной, ав-торский. И он несколько в стороне от обычной русской программы. Это мой курс.
- А в Москве вас не

привлекают к препода-вательской деятельности?

– Нет. Да я и не буду здесь преподавать. Я бы вообще никогда не стал преподавать, если бы не оказался в США. Ведь, как выяснилось, для меня это лучший способ зарабатывать там себе на жизнь.

Изгнание из Советского Союза на самом деле было тяжелейшим, критическим моментом в моей жизни. С одной стороны, я бросал вызов существовавшей системе, которая меня выдавливала. С другой - я был в отчаянии, не давая себе в этом отчета или не желая этому подчиняться. Но стресс был невероятный. же его преодолеть опять-таки благодаря Америке, которая буквально заставляла меня вкалывать, чтобы выжить. Мы с Майей, моей женой, старались не впадать в бедность: я много работал. Тем не менее первые годы я частенько просыпался по ночам в холодном поту от ужаса, что в следующем месяце не смогу оплатить счета... Но как-то все-таки выкарабкивал-

А Майя вообще долгое время не могла к изгнанию привыкнуть. Я постоянно убеждал ее, что надо относиться к нашей жизни там как к затянувшему заграничному турне и таким образом

стараться замечать вокруг что-то интересное.

Потом, кстати, при помощи той же университетской работы удалось достичь более или менее стабильного уровня. И это, между прочим, давало мне возможность отказаться от компромисса в литературе. И на самом

деле я не жалею, что все так случилось...

– Вы хотите сказать, что преподавание дает еще что-

то и для души?

сле более чем 20 лет в университете преподавательская деятельность мне несколько надоела. И я постепенно буду от нее уходить. Кроме того, мы уже решили пере-

браться в Европу.

– И где вы намерены бросить якорь?

- Я присмотрел себе местечко - небольшой городок Биарриц на побережье Бискайского залива, во Франции, на границе с Испанией. И уже купил там маленький домик. А оказался там совершенно случайно. Был в Тулузе на фестивале русского искусства "Волга - Гарон". И когда у меня выпало несколько свободных дней, решил осмотреть места, в которых никогда не бывал. Взял напрокат машину и проехал вдоль Пиренейских гор, любуясь замечательными видами. Так добрался до этого курортного городка. Мне в нем страшно понравилось. Оказалось, что Биарриц связан не только с Наполеоном, но в XIX веке был любимым местом отдыха русской аристократии и творческой интеллигенции. Там жил Стравинский, Набоков провел там годы своего детства, Чехов бывал и еще многие известные люди... Тогда же в голове мелькнула мысль, что этот городок был бы лучшим местечком для смены места жительства...

И год назад, когда я был в Париже на Новый год, 1 января просто сел в поезд и поехал в Биарриц. И присмотрел себе там маленький домик, в котором всего две спальни и маленькая квартирка в подвальном помещении.

- Можно предположить, что ваше будущее литерагурное произведение будет связано с этими временами и персонами?

 Нет, будущее произведение будет связано с XVIII ве-ком: как раз сейчас я поглощен изучением наследия Вольтера, его идей и эпохи просвещения вообще. Это одна из серьезнейших фаз европейского Ренессанса, рас-

Василий АКСЕНОВ:

ния на счет построманной депрессухи. Такое обычно бывает с авторами романов, когда они полностью и основательно выкладываются в работе над произведением. И этот упадок чувств – явление характерное. Но прошло некоторое время, и я уже рефлекторно начал работать над следующим романом, о котором уже вам рассказал.

Вы являетесь одним из членов жюри национальной премии "Триумф". Что вы думаете об этой премии?

— На мой взгляд, организация "Триумфа" — идея гранди—

озная. Она появилась в 1992 году, в очень нужное время, когда был общий колоссальный упадок в стране. И мне ка"Московской саги" уже идут полным ходом. И если с успехом пройдет первая часть фильма, то, как говорится, сам Бог велел взяться за продолжение этого романа. И я прямо с ходу начинаю его писать!

- В работе над этим многосерийным телефильмом вы принимаете участие?

Конечно, когда приезжаю в Москву. Я смотрел вместе с режиссером Дмитрием Барщевским фото— и кинопробы, мы обсуждали кандидатуры актеров, деко—

рации... Мой сын Алексей работает над этим проектом в качестве арт-директора. Но вы же понимаете, какая это грандиозная работа – создание полноценного многосерийного художественного фильма. Одно лишь удержание актерской команды в течение года – невероятно сложный вопрос. А в картине 280 (!) ролей. Но мне кажется, что работа эта должна понравиться зрителю. Люди ведь любят такие истории с продолжениями, где много закрученных любовных интриг и драматических поворотов судьбы. Тем более что история нашей страны поставляет их нам с излишком.

– А как вам современные молодые лица, кото-рых вы встречаете в Москве и в России?

- Вы знаете, весной я был в Питере и общался в основном именно с молодыми людьми. У меня была там пресс-конференция, на которой собралось не менее 50 журналистов, – и это были все молодые люди. И главное, что я отметил для себя, - у них были умные, какие-то просветленные лица. А мне вспоминались утверждения, что в России произошла

смена молодого образа на уровне генетики, что перед нами сплошная "братва": коротко стриженная, с маленькими лобиками и торчащими ушами, сплошные разговоры "на пальцах"... они, наверное, есть. Да-же, может быть, в немалом количестве. Но я видел своими глазами, что все-таки сохранился тип молодого интеллигента. И я в этом абсолютно убедился. Он существует и развивается.

- То есть корни всетаки не вырублены окончательно?

- Оказывается, нет, и подрастает новая эпоросль. Это очень радует, потому что у этих людей в наше время - колоссальные возможности для роста. Они могут пейскую и мировую культуру. Они все могут знать, и у них есть достул ко всему. В том числе - и благодаря Интернету

- Вопрос, быть может, прозвучит несколько неожиданно, но, мне кажется, он вытекает из ранее сказанного: как вы относитесь к клонированию?

- Кстати, роман "Кесарево свечение" завершается этой проблемой. Молодой герой начинает повествование в возрасте 27 лет. А

заканчивается роман пьесой, в которой ему 100 лет. Его же любимой, которую он ждал многие годы, – 93. И они наконец вместе. Но, понимая, что они уже медленно умирают, начинают предпринимать усилия, чтобы подольше сохраниться, используя для этого и пересадки органов, и прочие медицинские фокусы. А поскольку оба - безумно богатые люди, в конечном итоге заказывают своих клонов - себя же в молодости..

Ну а если отнестись к этому вопросу серьезно, кого

бы стоило клонировать? Я вспоминаю у Маяковского, в какой-то его поэме он обращается к ученому будущего: если будешь пере-листывать страницу и искать, кого оживить, не листай страницу – оживи!.. Тогда нам подобные слова казались чистейшей воды фантазией. Но сегодня оказывается, что эта фантазия вдруг может стать реальностью. И я думаю, стоило бы оживить того же Маяковского, чтобы он пустил наконец в ход свой гений, а не стал бы писать всякую дрянь. Да и вообще многим ушедшим в мир иной

людям можно было бы дать такой шанс! Беседу вела Татьяна АЛЕКСЕЕВА

пространение либеральных идей в России и феминистский век в нашем Отечестве. Кстати, я и сам феминист по убеждению и ратую за женскую власть. Думаю, что это именно то, чего сейчас не хватает России. Ведь женщины – все российские императрицы – как раз и способствовали внедрению и появлению первых либеральных идей в России. Семьдесят пять лет из 100 прошли под властью женщин. И очень даже неплохо прошли!

подаванием, публицистикой или литературным творче-

- Публицистика – попутное занятие, если возникает какая-то проблема, по поводу которой есть потребность высказаться. А вообще, конечно, я - литератор, прозаик, драматург, поэт – кто угодно. Одним словом – сочинитель. Вот недавно вышел роман "Кесарево свечение", который уже продается в России. Для меня это очень важная книга. Там я провел эксперимент формирования романной массы из других литературных жанров. Кроме прозы внутри присутствуют три пьесы, два рассказа, цикл стихов, эссе о Пикассо. И все это соединено вместе и создает главы романа. Самого большого по объему из всего написанного мною. Больше того, я думал, что этот роман станет для меня итоговым. И даже хотел им подвести черту под своим творчеством... Вот как! И почему же?

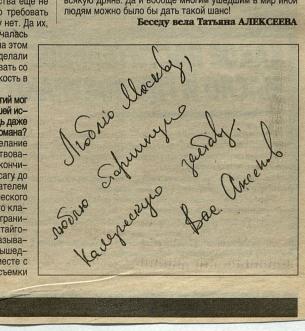
– Да как-то казалось мне, что и старым уже стал, и много всего "навалял" за годы творчества... И вдруг по-явилось внутреннее ощущение, что вообще слишком "намозолил глаза"... Но, поездив по России, понял, что рановато пока подводить черту. И свел эти свои ощущеОднако куда деваться от аксиомы, что ни один капитал, особенно на-чальный, не делается честным путем... - Эта аксиома безусловно верна в тот период, когда разваливается страна. В нашем случае развалилась империя социализма, и на ее руинах образовывается капитализм. Правда, такого в истории человечества еще не было. Ну а когда вокруг развалины, трудно требовать соблюдения законов, потому что их попросту нет. Да их собственно, и не было. Когда в России началась приватизация – это был край беззакония. И на этом

очень состоятельные, богатые люди.

фоне очень многие разворотливые люди сделали себе капиталы. Впрочем, здесь нельзя списывать со счетов и степень везения, и склад ума, и четкость в выработке стратегии...

Не кажется ли вам, что этот поворот событий мог бы быть очень интересно представлен в новейшей истории вашей "Московской саги"? Кстати, вы ведь даже обещали дописать ее для киноверсии вашего романа?

- Безусловно. И в моей голове бродит желание дописать эту новейшую историю. Ведь существование династии Градовых в конце романа не закончилось. И это дает мне возможность продлить сагу до наших дней. Борис IV становится продолжателем врачебной династии и лидером демократического движения... Некоторые члены этого семейного клана и связанные с ним люди оказываются за границей: и исчезнувший во время войны Савва Китайгородский, который после немецкого плена оказывается во Франции, и Вероника, мать Бориса, вышедшая замуж за американца, уехала в США вместе с его младшей сестрой... К тому же сейчас съемки

№ 36 (273) 19 – 25 CEHTЯБРЯ 2002 2